

Ева Товарныки

ЕТ – Отец переезжал два раза в Польшу в голодовку.

- В каком году?

Я уже точно не скажу, или это был, кажется, это был 1933-й. Переезжал, менял на золото. Папа...

- У него было золото?

ЕТ – У родителей были... сережки, перстни золотые, потому что, у нас, у православных, мода была такая, и пара перстней переходила из поколения в поколение. Ну вот, отец и ездил все время менять. А уже когда возвращался во второй... третий раз, то они его могли застрелить. В Польше им было все равно, а с этой стороны - они его не пропускали. Потому, что были такие, что пропускали, и что-то с него брали. А если он попадал на тех, кто не знал, что он переезжал, то могли и застрелить отца. Но отец вернулся. А в следующий раз, еще раз переехал, и уже больше не ездил. Это был уже тридцать... уже точно не помню.

- Тогда же граница была на замке. Как ему удалось ее пересечь?

ЕТ – Ну вот, я вам и говорю: с этой стороны - вы должны были кого-то подкупить, а с той стороны - им уже было все равно.

Вы знаете, если я что-то бер. Ну, знаете, если я пойду куда-то в ресторан, где, как говорится, вы сами себе набираете еду. Я смотрю на людей - наберут, а полмиски в мусор выбрасывают. А у меня аж сердце режет. Потому что я возьму только так, чтобы. Я никогда не могу оставить еду, потому что думаю о том, сколько сейчас людей и детей гибнут от голода. Я голод знаю; мне очень тяжело смотреть на то, что идет на помойку, в мусор, или как бы это сказать? Я не могу это пережить.